

Смена амплуа

В новом фильме "Красный дракон" англичанин Рэйф Файнс играет серийного убийцу-маньяка Долархайда. Кроме того, он в этом году сыграл шизофреника в фильме Дэвида Кроненберга "Паук". Очередные роли или кардинальная смена амплуа?

— В "Красном драконе" вы играете одного из самых жестоких убийц в истории человечества. Как вы подходили к этой роли?

— Долархайд совершает убийства, потому что в эти моменты он чувствует себя всемогущим. Почти Богом. Это очень первобытное, очень сильное и примитивное чувство. Кровь людей дает ему силу.

— Вам не было страшно играть такого человека?

— Я и раньше играл плохих парней. Собственно говоря, моя карьера началась с роли очень плохого человека — коменданта концлагеря в "Списке Шиндлера". Но я не думаю, что здесь я сыграл просто плохого человека. В книге Томаса Харриса и сценарии Тэда Тэлли очень четко прописано, что Долархайд находится в пограничном состоянии. Он не знает, как ему распоряжаться своими эмоциями. Его никто никогда не любил. Он считает себя жутким уродом, потому что у него волчья пасть.

— Вы не боялись увлечься чисто внешней стороной персонажа?

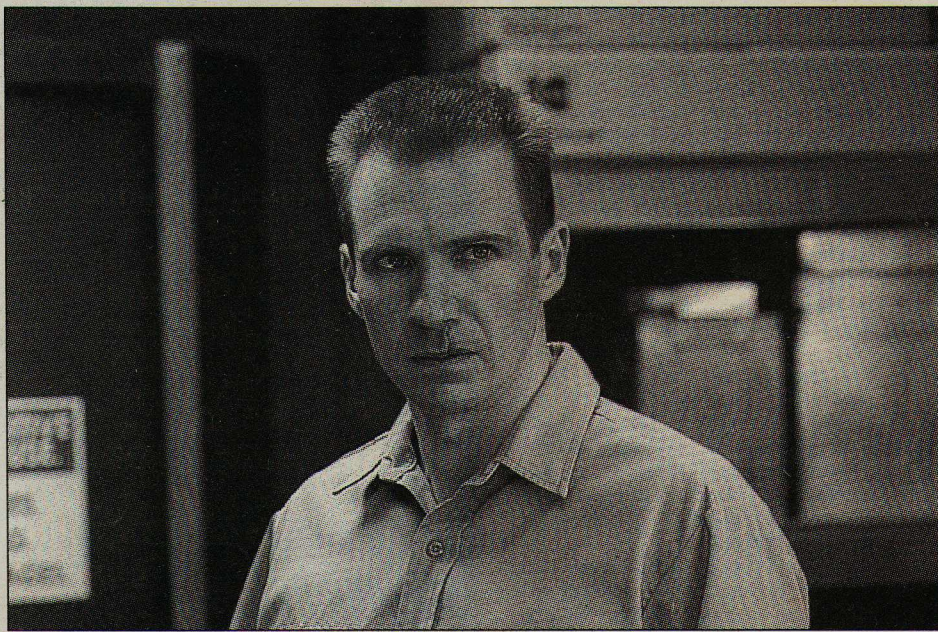
— Я работал над ролью на всех уровнях, поэтому и было так интересно. Это великолепная роль с точки зрения демонстрации экстремальных эмоций, экстремального поведения. Это очень аппетитная роль с внешней точки зрения — все эти татуировки, особый грим, шрамы, муляжи зубов. Но в первую очередь привлекло то, что меня ждал огромный диапазон эмоций. Долархайд — очень многогранная личность. Это не просто записной психопат. Этот человек умеет чувствовать.

— Его отношения со слепой Ребой МакКлейн трогательны, несмотря на определенную извращенность.

— Когда я читал сценарий, то понял, что это самое интересное. Именно эти сцены мне хотелось сыграть в первую очередь. Здесь я мог показать его неуверенность в себе, его страх и смущение, его трогательную неуклюжесть при общении с женщиной, его неумение отвечать на прямые вопросы. Реба очень открыта и прямодушна. К тому же она не видит его лица, поэтому в его представлении — она человек, который не может его отвергнуть, потому что он

Темные и светлые стороны Рэйфа Файнса

Сьюзен ХОУАРД

считает себя уродом, хотя на самом деле не так уж уродлив. Думаю, в нем почти нет самоуважения, и он убивает, чтобы его обрести. В моменты убийств он чувствует себя сильным, и ему это нравится. И вдруг он видит, что может чувствовать себя сильным просто благодаря присутствию другого человека, который в нем нуждается. И это сбивает его с толку. Простота и чистота этой женщины угрожают его душевному равновесию, заставляют его страдать. Он пытается научиться управлять эмоциями, научиться близости с другим человеком. В этот момент его по-настоящему жалко.

— Правда ли, что вы при подготовке к роли читали дневники серийных убийц?

— Да, читал. И я понял, что все они разные. Как правило, все они ужасные эгоисты. Среди них много умных, образованных людей. Есть откровенно любующиеся собой. Есть очень несчастные, страдающие, детально описывающие свои кошмары, свою боль. Это очень тяжело — читать дневники убийц. Больше всего меня поразили писания одного парня, который сейчас сидит в тюрьме — он подробно описывает, как он манипулировал людьми, как он их унижал, как его это возбуждало, как он собой гордился, когда делал людям плохо. Он специально подстраивал так, чтобы эти люди делали ему что-то нехорошее, чтобы у него появился, как он считал, законный повод отомстить и убить их. Он обожал мучить своих жертв перед смер-

тью. Он со вкусом описывал, как они умоляли их пощадить, как он их пытал, душил, и в этот момент переживал состояние оргазма. Когда читаешь такие описания, и знаешь, что это правда, а не фантазия писателя, становится ужасно неуютно. Но я был обязан это прочесть. Потому что это помогло понять Долархайда.

— Вы принимали участие в формировании внешности Долархайда? Вы надевали фальшивые зубы?

— Я начал их носить задолго до съемок. Мне нужно было понять, что чувствует человек с волчьей пастью, если ему сделали плохую операцию. Твердое небо восстановлено, но зубов практически нет. Весь фильм я носил специальные зубные протезы. Долархайд считает, что должен носить бабушкины протезы, и когда он убивает людей, он нацепляет их, чтобы кусать своих жертв. Когда я начинал работу над ролью, врач сказал мне, что человек в принципе не может носить чужие протезы, не испытывая неудобства. И я подумал — а может быть, Долархайд хотел испытывать эти неудобства? Может быть, в нем сохранился остаток человечности, на подсознательном уровне, который словно "наказывал" сидящего в нем зверя?

— Интересная теория. А ведь Долархайд почти ничего не говорит о себе.

— Как раз этот минималистский подход сценариста мне нравится. Почти все — на пластике, без слов. Долархайд не уме-

ет общаться. Он боится контактов с людьми. Он все время бормочет что-то непонятное.

— Можно отклониться от интеллектуальной беседы? Ваши поклонники были в ужасе, узнав, что вы играете маньяка, но в восторге оттого, что для роли вам нужно накачать мышцы.

— Да, пришлось. (Смех). Долархайд описан мощным мужчиной, почти бодибилдером. Я, конечно, никогда не смогу выглядеть, как Арнольд Шварценеггер, но я старался набрать как можно больше мышечной массы. Я тренировался под руководством Пола МакКоули, который раньше сгонял вес с Тома Хэнкса в фильме "Изгой". Пол ежедневно тренировал меня по два часа, заставлял выкладываться на 100 процентов, плюс к этому я сидел на специальной протеиновой диете. Это было тяжело.

— А раньше вы тренировались?

— Я немного тренируюсь, поддерживаю нормальную физическую форму, но раньше я никогда не занимался со штангой.

— Что было труднее — физические нагрузки или моральные? Вы не боялись обнаженки?

— Моральные, конечно. Но не обнаженка, нет. Тараканы в голове — это страшно. А бегать голышом... Актер не имеет права стыдиться себя в любых проявлениях.

— Вы не задавали себе вопрос — а стоит ли роль такой огромной отдачи?

— Вы знаете, мои родители с детства объясни-

ли мне, что талант — это один процент вдохновения и 99 процентов тяжелого труда. Я помню, мне было лет 10 или 11, и я подрядился нарисовать вывеску для мотеля, который хотели открыть наши соседи. Они пообещали заплатить мне 10 фунтов, причем дали пять фунтов задатка. Я потратил деньги, но ничего не нарисовал. Что вы хотите — мне было 10 лет! Когда отец об этом узнал, он устроил мне страшный нагоняй. Он запретил мне выходить из дома, пока я не сделаю эту злополучную вывеску. Это был хороший урок.

— Вы один из немногих актеров, чередующих работу в кино и в театре.

— Я люблю, чтобы мятник раскачивался в обе стороны. В кино процесс актерской игры расщеплен на кусочки. Ты играешь не в той последовательности, тебе приходится подолгу ждать между дублями. Но зато в кино есть то, чего нет в театре, — крупный план. В кино можно играть глазами, демонстрировать мельчайшие психологические нюансы.

— Вы не боитесь часто менять амплуа?

— Для меня главное — хорошая роль. Мне кажется, многие актеры сегодня слишком старательно охраняют свой имидж. Думаю, главное для актера — играть. Создавать самые разные роли. Полностью растворяться в персонажах. Я понимаю, что такие актеры — головная боль для актерских агентов. Но я готов играть любую интересную роль.

— Именно поэтому вы только что снялись в романтической комедии "Горничная в Манхэттене" с Дженнифер Лопес?

— По правде говоря, я очень долго ждал, чтобы мне подвернулось что-нибудь в этом роде — легкое, симпатичное, не претенциозное, без зауми и накала страстей. Я не был уверен, что справлюсь, потому что для меня это нехоженная территория. Я просто входил в комнату, здоровался с Дженнифер, а потом изображал влюбленность в нее. Это, поверьте, очень нетрудно. Она очаровательная женщина и отличная профессионалка. Она чувствует себя на съемках, как рыба в воде. А я все время терзался: "Актерская игра не может быть такой простой! Я должен найти какой-нибудь страшный внутренний конфликт для моего героя!" (Смех).

— Вы не собираетесь публично восхититься ее талантом, арендовав полосу в прессе, как сделал Бен Эффлек после съемок "Джилы"?

— Думаю, ей хватит рекламы и без моих дифирамбов.

Экран и сцена